

V. ЛИТОБЗОР

УДК 327(571.6)

А. А. Тушков¹

О МОНОГРАФИИ «ТРАНСГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ФОРМА»

Монография «Трансграничный регион: понятие, сущность, форма», разработанная коллективом ученых, была опубликована в мае 2010 года Издательством «Дальнаука». В настоящей статье автор делится с читателями своим мнением как в целом по монографии, так и в частности по кругу проблем, которые были исследованы в данном труде.

Ключевые слова: трансграничность, трансграничное взаимодействие, трансграничные регионы, глобализация, глокализация, Северо-Восточная Азия, полицентризм.

Монография коллектива ученых «Трансграничный регион: понятие, сущность, форма», без сомнения, стала заметным явлением в современном пространстве политической науки. Исследование получило свое реальное воплощение благодаря кропотливому труду коллектива, возглавляемого

---

¹ © Александр Анатольевич Тушков, д-р ист. наук, профессор кафедры ГМУ Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия, E-mail: aa_tushkov@mail.ru.

доктором политических наук, профессором М.Ю.Шинковским¹ в рамках гранта Аналитической ведомственной целевой программы Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы (2.1.3./4472)».

Столь представительный коллектив, вне всякого сомнения, обеспечил научную значимость исследования, заявленного авторами, – «феномена трансграничного взаимодействия, как в теоретическом плане, так и с точки зрения реальной исторической практики в истории мировой политики и в условиях современного развития применительно к региону Северо-Восточной Азии и российского Дальнего Востока» [15, С. 2].

По мнению научного коллектива, еще два обстоятельства делают привлекательным данный труд. Во-первых, исследование было проведено в рамках междисциплинарной парадигмы с привлечением методов и материалов географической, исторической, политической и философской наук на основе системного метода и, во-вторых, в работе особое внимание было уделено развитию трансграничных регионов в условиях глобализации, обосновывается адекватность применения такой категории геополитики, как «глокализация».

Чем же сильна и чем бедна данная монография? Что удалось сделать коллективу ученых, а что было упущено в исследовании трансграничности?

Сразу отметим справедливость утверждения М.Ю. Шинковского (по В.А. Колосову): в современном мире на глобальном уровне все большее значение приобретают модели полицентрического развития общественного пространства. Данные модели основываются на территориальных, экономических, политических и культурных принципах и противоположны моноцентризму, при котором доминирующий центр обеспечивает свою страну всеми типами функций руководства и услуг [15, С. 6]. Если политические и культурные принципы принимают форму трансграничного взаимодействия и

---

¹Бакланов П.Я., д-р геогр. наук, академик РАН, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН; Волынчук А.Б., канд. геогр. наук, доцент кафедры мировой экономики и экономической теории ИМБЭ ВГУЭС; Ганзей С.С., д-р геогр. наук, профессор, заместитель директора по науке Тихоокеанского института географии ДВО РАН; Зыков А.А., аспирант, младший научный сотрудник лаборатории актуальных геополитических исследований ВГУЭС; Котляр Н.В., канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения ИМОСТ ВГУЭС; Романов М.Т., д-р геогр. наук, профессор, заведующий лабораторией территориально хозяйственных структур ТИГ ДВО РАН; Фролова Я.А., старший преподаватель кафедры всеобщей истории, политологии и социологии ИМОСТ ВГУЭС; Шинковский М.Ю., д-р полит. наук, профессор.

сотрудничества, то экономические используют преимущества центрального положения, концентрации и экономии масштабов производства товаров и услуг при отсутствии дополнительных издержек.

И далее: любая территориальная/региональная структура на интересующем нас территориальном/трансграничном уровне полицентрична, а значит, полицентрическое развитие страны через создание регионов трансграничного взаимодействия связано с устойчивыми изменениями в социальных представлениях как части национальной и территориальной идентичности. Потенциал для перехода к полицентрической модели в России, как утверждает авторский коллектив, имеется. Одним из таких центров (при условии определенного набора экспортно ориентированных производств, обеспечивающих устойчивое развитие) является российский Дальний Восток. Основанием для такого утверждения коллектива служит «осознание того очевидного и объективного обстоятельства, что наша страна имеет фундаментальные интересы в Азии» [15, С. 7-8]. При этом важно не допустить «отставания» азиатского от европейского вектора внешней политики.

Однако реальность такова, что на пути к активизации участия России в интеграционных процессах Восточной Азии стоит низкая российская вовлеченность в экономическую жизнь Северо-Восточной Азии, и, пока российский капитал при государственной поддержке не выйдет на рынки АТР, вести разговор о реальных процессах интеграции невозможно. А потому особое значение приобретает активизация России в двух направлениях: развитие трансграничного сотрудничества в рамках двусторонних отношений с государствами региона и деятельность России в рамках различных экономических и политических региональных организаций [15, С. 9].

Поэтому нельзя не согласиться с учеными в том, что представляемое исследование имеет практически-политическую значимость как в ранее изложенном аспекте, так и в том, что курс, выбранный высшим политическим руководством страны на модернизацию, имеет ясно очерченный вектор развития в отношении российского Дальнего Востока.

На этом фоне примечательно то, что авторский коллектив пришел к выводу: наиболее эффективным средством втягивания России в интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии должны стать трансграничное взаимодействие и создание трансграничных «треугольников силы» и зон ускоренного социально-экономического развития [15, С. 11]. Это квинтэссенция того, чему, собственно, и посвящена монография.

Интересна и многообещающе заявлена Глава I, в которой предполагается исследование гносеологических основ трансграничности, с точки зрения традиций в изучении, методологических подходов и междисциплинарных оснований.

К сожалению, проблема трансграничности в академической традиции, где бы можно было рассмотреть современные дискуссии, точки зрения и позиции, в силу различных причин не нашла свое отражение. Прежде всего, предложенный к исследованию вопрос авторами данного раздела уже был рассмотрен два года назад в ставшей классической работе «Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования» [1].

Сожаление вызывает не сам факт размещения уже опубликованного материала, а то, что за прошедшее время в современной политической науке уже накоплен достаточный дискуссионный материал, который мог бы быть проанализирован с точки зрения изменения политической практики и общественного пространства. Тем более что относительно новое направление научных исследований – изучение трансграничных территорий – является междисциплинарным, где базовую роль играют комплексные географические, экономические и политические исследования, представляет для исследователя широкий спектр научных трудов [1, С. 110-127; 6, С. 17-27; 19, С. 5-16; 7, С. 34-41; 4, С. 42-51; 16, С. 64-73; 20, С. 5-15; 17, С. 6-17; 8, С. 42-48; 5, С. 9-55].

В целом, давая определение трансграничности как состоянию/качеству региона, его политико-экономических, социально-культурных либо исторических связей, в монографии доказывается, что по своей сути трансграничье следует понимать как сложно-структурный феномен, имеющий несколько взаимозависимых, но разных по природе оснований. Он имеет четыре слоя: физико-географический, исторический, функциональный и политический [15, С. 34]. Если первые три слоя дают ясное представление о существовании трансграничности в кросс-темпоральном сравнительном анализе, то политический слой – более сложная категориальная структура. От позиции политической власти и внутреннего режима территории непосредственно зависят состояние и развитие трансграничности. Более того, это является одним из важнейших условий существования трансграничности: власть устанавливает границы, открывает или закрывает пограничный режим. Граница рассматривается не только как формальная разделительная

линия, закрепленная международно-правовыми документами, но и как продукт политики сопредельных государств.

Трансграничный регион и сотрудничество, анализируемые в качестве явлений и процессов, полностью меняют функциональное назначение государственных границ. Но процессы – неоднозначны, а трансграничность рассматривается, прежде всего, как возможность, поскольку реальная политическая практика предстает в ином разрезе: демонстрирует столкновение интересов групп и институтов, расширяет конфликтогенность общества и т.д. При анализе основных подходов к исследованию понятия трансграничности в монографии сформулирована данная дефиниция, заключающаяся в следующих позициях.

Во-первых, пространственной позиции, характерной для географической традиции в рамках лимологии, где важнейшие эвристические категории «граница» и «регион» позволяют фиксировать протекание трансграничных процессов в конкретной территориальной системе.

Во-вторых, функциональной позиции, т.е. как сфера социальных связей и социально-экономических процессов. При этом территориальная идентификация политического пространства необязательно совпадает с географической идентификацией [15, С. 38-39].

Обращает на себя еще одна ключевая проблема, которая была исследована в монографии. Это определение границы приграничной территории с использованием методов физико-географического районирования территории [15, С. 45]. Используя методику, разработанную В.Б. Сочаевой [14], при сопоставлении границ приграничной территории с границами природных геосистем регионального (физико-географическая провинция или физико-географический округ) иерархического уровня, разделенных государственной границей, стало возможным определить внутренние границы приграничной территории. Но в связи с этим возникает проблема, которая успешно решена в монографии.

Суть ее в следующем. Сама геосистема сопоставляется с природно-антропогенной трансграничной территорией, составными элементами которой выступают присущий ей природно-ресурсный потенциал и виды его хозяйственного использования. При этом трансграничная территория состоит как минимум из двух частей, представленных приграничными территориями по обе стороны границы. Таким образом, само понятие «приграничная территория» в этой связи должна включать и такие характеристики, как природно-ресурсный потенциал и виды его хозяйственного использования в пределах той или иной природной

геосистемы. Подобный подход решает вопрос о пространственных границах приграничной территории, но вступает в противоречие с ее политико-административным определением, а также с реальным экономико-хозяйственным использованием этих территорий [15, С. 45].

В монографии предлагается решение данной проблемы, заключающееся в проведении дробного природно-хозяйственного районирования территории. В качестве основного принципа такого районирования предлагается применить принцип комплексности [15, С. 46]. Таким образом, географическое содержание понятий «приграничная территория» и «трансграничная территория» определяется их географическим положением. Приграничная территория в физико-географическом плане – это в наиболее простом случае геосистема топологического уровня или часть трансграничной геосистемы регионального уровня. В экономико-географическом плане – это определенный природно-хозяйственный район со своим сочетанием природных ресурсов, социально-экономические свойства которого отражают тесную взаимосвязь с соответствующей приграничной территорией как природно-хозяйственным районом соседнего государства. В социальном и культурном отношении это контактные территории, осуществляющие обмен национальными обычаями, традициями, миграцией населения и т.д. Приграничные территории обеих стран являются составными частями международной трансграничной территории, границы которой определяются границами соответствующих природно-хозяйственных районов обеих стран [15, С.59].

Важно отметить еще один аспект исследовательской работы, заслуживающий внимания: преодоление барьерной функции границы (государственной) осуществляется на нескольких функциональных уровнях. В монографии отмечается, что в качестве первого уровня необходимо выделить уровень функционирования природных (естественных) объектов и процессов, которые в наименьшей степени восприимчивы к возведению государственной границы как некоторого физического препятствия. В качестве второго уровня, на котором осуществляется трансграничное проникновение, как доказывается в монографии, выступают этнокультурные особенности приграничного социума [15, С. 115]. И далее: интенсивность и характер его функционирования в условиях трансграничности определяются принадлежностью приграничных социумов к одной этнической группе, а также близостью культурных традиций, единством конфессиональной организации и религиозных взглядов [15, С. 116].

Важной особенностью каждого из уровней, как отмечается в работе, является возможность их пространственной локализации, т.е. соотнесения

их с определенными участками земной поверхности [15, С. 117]. Здесь необходимо отметить следующее обстоятельство. Данная проблема не нова и в политической науке называется «проблемой Гэлтона». В политическом исследовании проблем трансграничности единицей анализа выступает трансграничный регион (при этом он рассматривается как независимая единица исследования). Однако в условиях глобализации экономических, политических и интеграционных процессов, интенсивного взаимодействия стран неизменно возникнет вопрос относительно значимости внутренних и внешних факторов и условий. Таким образом, в исследовании появится необходимость учесть внешнее воздействие на трансграничные районы, т.е. проблемы действительного государственного суверенитета и международной системы как основного условия для стран, преследующих свои особые интересы. Но проблема, собственно, состоит в том, как это сделать.

Стратегией решения «проблемы Гэлтона» выступает исследовательская модель сравнительного анализа, при которой осуществляется попытка объединить внутрисистемные измеряемые переменные с внутрисистемными межвременными и межсистемными пространственными неизмеряемыми переменными, показывающими процессы диффузии. Представляется, что при таком подходе межсистемные пространственные диффузии, проистекающие из «проблемы Гэлтона», открывают возможность множества интерпретаций характера внутрисистемных каузальных отношений трансграничности, так как характеризующие их переменные каузально связаны с зависимой переменной и коррелируют с одной или более независимыми переменными.

Исторический подход в монографии к исследованию трансграничности, с нашей точки зрения, интересен и не бесспорен. В том, что ни одно из региональных исследований не может претендовать на достоверность, не опираясь на обзор исторической динамики той структурной конструкции, ставшей в основе выделения определенной территории, не согласиться нельзя. Но в том, что в работе наиболее верным подходом в изучении трансграничности в данном случае является «принцип рассмотрения политических явлений в исторической ретроспективе» [15, С. 60], согласиться нельзя. Нельзя согласиться в полной мере и с тем, что «исторический подход, относясь к ряду важнейших в общей номенклатуре методов научного познания, позволяет выявить закономерности и тенденции развития какого-либо явления или процесса» [15, С. 63]. Исторический подход не дает полного политического анализа трансграничности в исторической ретроспективе. Более того, он значительно обедняет методологию политологического исследовательского процесса. В этом отношении политологическое исследование а priori лежит между дескриптивностью и интерпретацией

конструктов и явлений, с одной стороны, и развитием методик и теоретических концепций – с другой.

Гипотеза исследования раздела монографии заключается в том, что «комплексный сопряженный историко-географический анализ природных, политических и социально-экономических процессов способствует установлению тех ограничений, которые может накладывать геопространство на развитие государственного организма, становление комплекса его геополитических идей» [15, С. 61], требует иного подхода к исследованию проблемы, нежели метод исторического подхода [15, С. 85]. А именно: необходимо применение кросс-темпорального метода сравнительного анализа.

Нам представляется, что каждый трансграничный регион политической системы современного мира обладает только ему присущими свойствами и находится в тесной взаимосвязи с другим трансграничным регионом. Все они своеобразны по своим политическим характеристикам и находятся на разных этапах развития, решают специфические национальные задачи. В связи с этим возникают вопросы, как сравнивать между собой такие уникальные явления мировой политики, как трансграничные регионы? Как в рамках сравнения существующих политических систем сегодня учесть особенности истории и культуры трансграничных регионов, стоящие перед ними проблемы и вызовы, уровни развития и траектории эволюции? И, наконец, какую роль занимают трансграничные регионы в системе национальных интересов современных государств и как отражаются проблемы глобализации на эволюции трансграничного взаимодействия?

В политологических исследованиях большое значение придается времени как оперативной переменной. Время включается в исследование, чтобы преодолеть статический характер сравнения. Один из традиционных видов кросс-темпорального сравнения определяется как асинхроническое сравнение. Данная стратегия предполагает сравнение одной и той же страны (трансграничного региона) в различное историческое время. Исторически ориентированные исследования противостоят синхроническим сравнительным исследованиям. Но включение временной переменной порождает ряд методологических проблем.

Во-первых, необходимо найти метод, посредством которого может быть установлено темпоральное изменение в качествах трансграничных регионов. С этой целью необходимо с точностью определить темпоральные единицы анализа. Подобная проблема может быть названа проблемой определения темпоральных единиц или периодизации.

Во-вторых, необходимо определить степень, в которой отношения, установленные между переменными качествами во времени, являются особыми по статусу или же в каком-либо ином смысле и отличаются от

переменных, установленных при кросс-пространственном анализе. Это – проблема специфичности обобщений, касающихся развития.

В-третьих, необходимо определить степень, в которой мультиколлинеарность может представлять особый признак при анализе темпорального изменения. Возможно ли исследовать одну или общую тенденцию развития в каузальных терминах на основе одного темпорального изменения? Это – проблема темпоральной мультиколлинеарности.

Методология сравнительных исследований включает целый ряд разнообразных принципов, но ни один из них они не абсолютизируют, подчеркивая как сильные стороны, так и недостатки. В частности, можно применить лонгитюдное сравнение¹ – сравнение нескольких трансграничных регионов в их исторической динамике на протяжении достаточно длительного исторического периода.

Кроме того, в качестве переменной в монографии было выбрано геополитическое положение [15, С. 66]. Нам представляется, что и этот аспект был не в полном объеме исследован, что в методологическом плане обеднило данную монографию. Ведь при политическом исследовании немаловажное значение придается организации определения переменных² для сбора количественных и качественных данных. Организация переменных в исследовании предполагает разбиение их на группы в зависимости от поставленных целей и гипотез исследования, а также определяется общей концептуальной схемой исследования и опирается на основные ее понятия. Совокупность изучаемых переменных можно определить как оперативные переменные. Среди них выделяются зависимые³, независимые⁴ и вмешивающиеся⁵ переменные. Между зависимыми и независимыми переменными имеется некоторая связь, подвергаемая исследованию. При изучении характера этой связи необходимо иметь в виду, что помимо выделенных исследователем зависимых и независимых переменных необходимо

---

¹Под лонгитюдным методом подразумеваются неоднократные наблюдения за явлением во времени с целью выявления постоянных аспектов и изменений и их объяснения (прим. авт.).

²Под переменной понимается изменяющееся качество изучаемого политического феномена, к измерению которого могут быть применены неметрические или метрические шкалы (прим. авт.).

³Под зависимой переменной понимается то изменяемое качество объекта изучения, которое рассматривается как следствие или результат действия некоторых условий, факторов, обстоятельств (прим. авт.).

⁴Переменные, которые характеризуют эти воздействующие условия, факторы и обстоятельства, называются независимыми (прим. авт.).

⁵Относительно оперативных переменных это означает, что на взаимосвязь зависимой и независимой переменных может влиять некоторая третья переменная, которую называют вмешивающейся (прим. авт.).

учитывать влияние и других условий, т.е. контролировать условия. Ее влияние нужно контролировать, а иногда и в процессе исследования, если обнаруживается большее влияние вмешивающейся переменной, чем независимой, то первая получает статус независимой.

Столь подробный методологический аспект исследования показан нами не напрасно. На наш взгляд, уход от компаративистики значительно обеднил исследовательскую работу коллектива.

Национальные интересы – наиболее дискуссионный вопрос, рассмотренный в монографии. Не бесспорен взгляд авторов на данную проблему. Нам представляется, что данный раздел монографии не убедителен как в методологическом плане, так в доказательном аспекте.

В этой связи необходимо сделать несколько замечаний:

Во-первых, в разделе не обоснована категория «национальный интерес».

Во-вторых, в монографии не исследована вся площадка современного дискурса по данной категории.

В-третьих, не обосновано соотношение категории «национальный интерес» и «трансграничные регионы».

В-четвертых, не исследованы исходные предпосылки взглядов на формирование и реализацию национальных интересов государств в трансграничном взаимодействии.

И, наконец, в монографии не доказана корреляция категорий «национальные интересы» и «проблемы безопасности».

Данные аспекты, если бы были исследованы, несомненно, значительно усилили бы научную привлекательность и методологическую значимость монографии. Однако столь поверхностное раскрытие проблемы значительно обеднило коллективный труд.

Памятуя об этом, нам представляется уместным поделиться некоторыми краткими соображениями по данной проблематике, естественно не претендуя на истину.

Научная категория «национальный интерес» вошла в общественно-политический дискурс России более века назад. Несмотря на это вплоть до настоящего момента ее теоретическая обоснованность и практическая полезность признаются далеко не всеми. Если в современной зарубежной науке принято считать, что понятие «национальный интерес» относится главным образом к внешней политике суверенных государств («внутренняя составляющая обычно именуется общественным интересом» [21, С. 258]), то в России именно этот внутренний аспект часто отождествляется с «национальным интересом» [12]. Анализ решений по этой спорной проблеме позволяет распределить российских политических теоретиков, как утверждает Р.С. Мухаметов [13], по нескольким направлениям. К середине XX века в

политической науке сформировались два классических подхода к анализу национального интереса.

Первый подход представлен так называемой школой «политического реализма», а второй – школой «политического либерализма».

Понимание национальных интересов реалистами существенно отличается от понимания данной категории либералами. Это объясняется следующими факторами. Для реалистов национальный интерес, к которому стремится государство, выше частных интересов и определяется внешней средой, а не внутренними социальными потребностями государства. Корреляция национального и государственного – суть дискуссионного момента: для реалистов доминирующее положение в понимании национальных интересов занимают геополитические приоритеты, в то время как у либералов на первом плане среди императивов стоят соображения экономического благосостояния граждан.

Кроме того, у реалистов национальный интерес является унитарным, а не плюралистическим. И последнее, реалистическое понимание национальных интересов государства исключает в отличие от либералов признание национальных интересов других государств. По мнению А.Б. Волынчука, «геополитические интересы можно определить как устойчивое стремление государства к сохранению своей территории, расширению своего военного, политического, экономического влияния на территории других стран, вплоть до установления над ними полного контроля и включения их в свой состав» [18, С. 49].

Относительно факторов формирования национальных интересов представители школы «политического реализма» считают, что они имеют объективный характер и не зависят от интересов групп людей, находящихся у власти, или отдельных личностей. И по мнению того же А.Б. Волынчука: «...помимо географических констант, существует целый ряд факторов, подверженных частым изменениям (например, политический, экономический, военный, демографический). Такие факторы формируют сравнительно кратковременные геополитические интересы, которые могут существовать от силы несколько лет» [18, С. 49].

Сторонники же так называемой теории либеральной трактовки понятия «национальных интересов» или теории «принятия решений», напротив, отрицают объективный характер национальных интересов и сводят их формирование к субъективным предрассудкам, философским и политическим взглядам правящей элиты. Представители данного направления утверждают, что «национальные интересы субъективны по характеру... национальный интерес – это то, что нация, то есть тот, кто принимает решения, назовет таковым» [10, С. 5]. Более того, следует сказать, что часть исследователей считают: приоритетное право определять и формулировать интересы нации должно принадлежать гражданскому обществу. К примеру,

К.Г. Холодковский призвал «учитывать то обстоятельство, что о развитии национальном интересе, пока не сформировано гражданское общество, т.е. пока не выработан механизм взаимодействия интересов на разных уровнях, говорить чрезвычайно трудно» [9].

Следует констатировать, что безгосударственное гражданское общество сегодня не существует как таковое, а общие национальные интересы граждан столь же реальны, сколь их индивидуальные и групповые интересы. Следовательно, совершенно не правы последователи либеральной трактовки понятия «национальных интересов», готовые отвергнуть «национальный интерес» во имя нередуцируемого культурного и ценностного плюрализма.

Подходя к проблеме с позиций «национально-государственных интересов», а тем более проповедуя «государственническую идеологию», мы считаем, что для определения «национальных интересов» необходимо исходить из позиций «национально-государственных интересов» (наций-государств) с экономической активностью государства и не разводить такие дискуссионные понятия, как «национальные интересы» и «государственные интересы». С определенной долей условности можно сказать, что под национальными интересами России мы понимаем свободу, процветание и безопасность нации, ее индивидов и сообщества в целом. Другими словами, это совокупность сбалансированных причинно обусловленных потребностей и неотъемлемых ценностей личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, международной и иных сферах, удовлетворение и защита которых объективно необходимы для будущего существования и развития нации.

Второй вопрос: тождественны ли понятия «национальные интересы» и «геополитические интересы»? Соотношения данных категорий здесь вряд ли корректно. В монографии коллектив ученых под руководством профессора М.Ю. Шинковского [18, С. 49] расставляет приоритеты и дает ответ на поставленный вопрос: геополитические интересы формируют устойчивые национальные и государственные интересы, – но не подменяет одно другим. Однако часть исследователей исходят от обратного.

Приходится констатировать, что исследование проблемы национальных интересов в трансграничных регионах предполагает решение задач, которые охватывают не только сущностные трактовки, но и их типологию. Типологизация данной категории даст нам возможность предметно подойти к рассмотрению национальных интересов в трансграничных регионах в системе современных государств и ответить на поставленные исследовательские вопросы: Существует ли «система национальных интересов в трансграничных регионах»? Как соотносить национальные интересы с геополитическими интересами в трансграничных регионах?

Сегодня нет сомнения в том, что политика трансграничного сотрудничества России является способом реализации национальных интересов. Современные процессы глобализации и регионализации в значительной степени вывели на ключевые позиции национальные интересы во взаимоотношениях России с соседними государствами как на федеральном, так и на региональном уровне. Особое звучание и значимость приобрели связи приграничных регионов субъектов Российской Федерации с приграничными регионами стран-соседей 1-го и 2-го порядка¹. Так, Россия граничит со странами 1-го порядка на западе с 7 странами (Норвегия, Финляндия, Эстония, Латвия, Белоруссия, Литва, Польша); на востоке с 5 странами (США, Япония, КНДР, КНР, Монголия); на юге с 4 странами (Казахстан, Азербайджан, Грузия, Украина).

Дискуссия по проблематике национальных интересов не закрыта. Однако анализ существующей системы национальных интересов дает нам право поставить следующие исследовательские вопросы: Какова роль и место трансграничных регионов в системе национальных интересов административно-территориальных единиц отдельных государств или совокупности таких единиц, а также наций-государств? А если более предметно: Занимают ли трансграничные регионы хоть какую-либо заметную роль в системе национальных интересов?

Есть еще некоторые замечания по представляемой монографии. Досадно, что часть исследовательского материала не нова. В частности, в главе «Трансграничный регион как объект системного исследования» разделы, посвященные условиям, предпосылкам и факторам районообразования, а также геополитике и геоэкономике трансграничности, были опубликованы ранее [1, 2].

Однако, подводя итоги нашим суждениям, с удовольствием признаем тот факт, что данная монография, является бесспорным успехом научной общественности Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Несмотря на ряд неудач, значительный пласт раскрытых исследовательских проблем нашли свое отражение в работе и станут тем отправным моментом в новых исследовательских достижениях современной политической науки.

Тому исследователю, который сейчас держит в руках представляемую монографию, хочется сказать следующее. Не сомневайтесь, что получите истинное наслаждение от соприкосновения с

---

¹Соседство разных порядков – показатель, которым измеряется географическое положение страны. Так, соседство 1-го порядка составляют страны, непосредственно граничащие с данной страной; соседство 2-го порядка составляют страны, непосредственно граничащие со странами-соседями 1-го порядка и т.д. (Более подробно см.: Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – С. 167).

серьезной наукой. Гарантировано и то, что в контексте современного политического дискурса вы непременно выйдете на новый, более высокий методологический уровень в понимании и осмыслении такой категории, как «трансграничность».

В добрый путь, дорогой исследователь!

---

1. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – 316 с.

2. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое положение Тихоокеанской России. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 168 с.

3. Барыгин И.Н. Трансграничные регионы в контексте изменений циклов политической активности государства // Регионалистика и этнология. – М.: РАПН; РОСПЭН, 2008. – С. 110 – 127.

4. Волынчук А.Б. Российский Дальний Восток в условиях трансграничности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2009. – № 1(1). – С. 42 – 51.

5. Волынчук А.Б. Трансграничный регион: теоретические основы исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 4(8). – С. 49 – 55.

6. Зыков А.А. Трансграничный регион в системе международного сотрудничества России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2008. – № 2(2). – С. 17 – 27.

7. Зыков А.А., Шинковский М.Ю. Проблема дефиниции феномена «трансграничность» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2009. – № 1(1). – С. 34 – 41.

8. Зыков А.А. Институциональность трансграничных связей в регионе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 4(8). – С. 42 – 48.

9. Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика («круглый стол») // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – № 8. – С. 84.

10. Красин Ю.А. Национальные интересы: миф или реальность? // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С. 5.

11. Межуев Б. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/mezhuev/?library=1181> (дата обращения 10.06.2010).

12. Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=61 (дата обращения 10.06.2010).

13. Мухаметов Р.С. Национальные интересы: сущность, трактовки и типология // Известия Уральского государственного университета. Общественные науки. Вып. 5. Философия политики и политология. – 2008. – № 57.

14. Сочаева В.Б. Введение в учение о геосистемах. – Новосибирск: Наука; Сиб. отд-ние, 1978. – 318 с.

15. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма [текст]: монография / науч. ред.: д. чл. РАН, профессор П.Я. Бакланов; д-р полит. наук, профессор М.Ю. Шинковский. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 276 с.

16. Фролова Я.А. Анализ трансграничного взаимодействия российского Дальнего Востока и северо-восточного Китая в годы гражданской войны и интервенции (1918 – 1922 гг.) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2009. – № 1(1). – С. 64 – 73.

17. Хобта В.В. Геополитический интерес России в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – №4(8). – С. 16 – 17.

18. Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волынчук А.Б. Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа). – Владивосток: Дальнаука, 2007. – С. 49.

19. Шинковский М.Ю. Тенденции геополитического развития Северной Пацифики: попытки прогноза // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2008. – №2(2). – С. 5 – 16.

20. Шинковский М.Ю. Современные глобальные и региональные процессы: проблемы реализации // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 4(8). – С. 5 – 15.

21. Evans G., Newnham J. The Dictionary of World Politics. – N.Y., 1990. – P.258.